

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

/Спб, приложение к газ. "День"/. 1888, т. УШ, 27 марта
№ 218.

сб. 28 | 39

ЖУРНАЛЬНОЕ ОБОЗРЕНИЕ.

Когда начинают какого-нибудь писателя особенно превозносить, через чур захваливать, — как это случилось недавно с г. А.Чеховым, — то невольно возникает подозрение: "не лежит ли на дне крокодил?" или вообще, нет ли тут чего-нибудь такого, что влечет за собою знаменательное толкование? Подобный вопрос зародился у нас невольно при чтении очерка г. Чехова, помещенного в № 3 "С.В.", и несящего название "Степь".

После широкого рекламирования этого очерка на страницах "Нов[ого] врем[ени]", где молодого автора приравнивали к столпам русской литературы — Толстому, Тургеневу и др. 2840. — невольно является необходимость в проверке дарования и подведении ему не призрачного итога, а того, какого он заслуживает. Заметим прежде всего, что большая дерзость со стороны молодого автора братья за описание степи, которая уже раз воспроизведена необыкновенно художественно и притом большим мастером. Предполагается, следовательно, что второе описание должно быть лучше первого, и чем-нибудь разниться от него. Второму условию произведение г. Чехова удовлетворяет; у Гоголя схвачен всего один момент, в который и нарисована величественная картина степи с подробной детальной ее разработкой, у Чехова же степь фигурирует в разные моменты своей жизни: ночью, днем, в ясную погоду и в грозу; но при этом физиономия степи схвачена в общем, контурно, и детальной разработки ее совсем нет. Так, у Гоголя после опи-

отн.

(или
России)

сания общей картины, следует художественный перечень степных трав: тут и медовая кашка [..]. У г. Чехова получается впечатление от одного перекасти-поля, который клубится в по степи в ночную грозу. У Гоголя можно прямо сесть и рисовать его степь, получится вполне точная картина, у г. Чехова этого сделать совсем нельзя, потому что степь придется промазать сплошной зеленой краской, т.е. так, как рисуют луга на декорациях. Впрочем, в другом месте у автора говорится, что степь приняла красно-бурый цвет, ибо была выжжена солнцем, - следовательно художник должен вымазать другое полотно красно-бурой краской. Говорим - вымазать, потому что опять-таки у г. Чехова описание массовое, не детальное, следовательно его описание не поддается художественному воспроизведению на полотне, как это очень легко сделать у Гоголя, - а потому с внешней стороны произведение г. Чехова чисто декоративное.

Посмотрим, каково оно со стороны внутренней. Прежде всего в очерке, величиною в 6 печатных листов, нет ровно никакой фабулы, - все содержание исчерпывается тем, что мальчик едет в тарантасе с дядей и священником в город, где дядя намеревается отдать племянника в гимназию. По пути, в степи, встречается ряд разных картин, силуэты людей. Вторую половину дороги мальчик едет уже с обозом, причём описываются обозчики и их путевая жизнь. Затем, с приходом 284. Егорушки /мальчика/ в город, очерк кончается. И так очерк г. Чехова состоит из целого ряда разнообразных картин, не имеющих между собой органической связи. А так как эти картины тянутся перед взором читателя ничем не прерываемые, за

отсутствием фабулы, то они быстро утомляют внимание, вследствие чего очерк кажется очень растянутым и читается чрезвычайно вяло...

Тургенев говорит, что каждая картина природы должна являться не случайною в повести, а составлять органически нераздельное с целым, так чтобы отсечь ее было невозможно без ущерба. Между тем у г. Чехова несколько таких картин, которые могут быть урезаны без всякого ущерба для рассказа, например картина тонконогой бабы на бугре, ловля рыбы, в церкви, в лавке и др. За отсутствием их смысла ни мало не изменяется, и все это, следовательно, лишний балласт, отсюда растянутость очерка.

[М.б. "случайные детали" - *мелкие детали* (ранее) *после* "Степи"?]

Слог и стиль в "Степи" далеко не отделанные, попадаются, например, такие убийственный периоды: "З А Г О Р Е Л Ы Е холмы *с* от тоски". Скоро ли здесь доберешься до смысла во всех этих загорелых холмах и других необыкновенных вещах! Или на той же 70-й странице: "П Е Р Е Б Е Ж И Т дорогу суслик и опять Б Е Г У Т мимо глаз бурьян, холмы и пр." Затем масса выражений в роде: "небо было С М У Г Л О /77 стр./ "солнце Б Е З Х Л О П О Т приняло за свою работу" и полоса света Ш М Ы Г Н У Л А через брчку и лошадей /78 стр/ [...] ручеек журчал "мягко картавя" /85 стр./, облако П Е Р Е Г Л Я Н У Л О С Ь со степью" /91 стр./, мысли путались, как Н И Т К И /99 стр./, солнце П Я Л И Л О свои лучи во все стороны /III стр./, - и масса иных нелепых эпитетов и выражений... И так, у паука

г. Чехов нашел М О Р Д У, холмы заставил загореть, а небо сделал смуглым. Следовательно, к небу можно отнести так: люблю тебя моя смуглянка! Однако, это уж через чур оригинально и так далеко не шел ни один беллетрист.

Вот какие грубые промахи в стилистике у г. Чехова, который в конце всех курьезов открывает Америку: 9-летний Егорушка у автора знает, что бабушка его "до своей смерти была жива" /стр. 77/. Мальчик, собирающийся поступить в гимназию не может быть таким отъявленным глупцом, — можно поручиться, что автор клеветает на его детскую природу... не хватает даже места подчеркнуть всё замеченное нами, а потому мы ограничиваемся уже сказанным. И того, полагаем, за глаза достаточно!.. По немногим отмеченным недочетам читатель видит, насколько несостоятельно произведение г. Чехова, а следовательно приравнивание его к столпам нашей литературы — чистая насмешка над молодым автором, который явится среди них только столбом; если же реклама не в насмешку, то значит — "на дне крокодил лежит". Мы не станем доискиваться, какого сорта этот крокодил, укажем лишь на то обстоятельство, что г. Чехов печатается также и в "Новом времени", — отсюда, конечно, всем ясно, что рука руку моет.

----- 8/4
В № 3 "Сев. Вести" идет продолжение романа г-жи Шабельской — "Три течения". [...]

Похоже на

Андреева (ср. РВ, 3/1 марта)

Т.е. по примеру

"Идиот"...

(По имени Н.И. Тургенева
автор Е.В. Гаршина)
Три течения — три течения

Ср. с автором Е. Гаршиной
11 марта

в БВ 1888, 6 марта 1884 (с. 1)

Кетчупе...